

УДК 82.091

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-69-3-253-259

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Фоат Галимуллин, Ляйля Мингазова, Флера Сайфулина

A LIFE DEDICATED TO SCIENCE AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES

Foat Galimullin, Lyailya Mingazova, Flera Sayfulina

The article is devoted to the life and scientific and pedagogical activities of Rifat Khasanovich Sverigin, a Tatar literary critic and teacher.

Keywords: Tatar literature, Tatar literary criticism, R.Kh. Sverigin, Fatih Husni, Amirkhan Eniki

Статья посвящена жизни и научно-педагогической деятельности татарского литературоведа, педагога Рифата Хасановича Сверигина.

Ключевые слова: Татарская литература, татарское литературоведение, Р.Х. Сверигин, Фатих Хусни, Амирхан Еники

Известному литературоведу, педагогу, наставнику нескольких поколений учителей татарского языка и литературы, профессору кафедры татарской литературы КФУ Рифату Хасановичу Сверигину исполнилось девяносто лет. Согласитесь, очень даже почтительный возраст. К тому же он пришел к этому, как говорится в таких случаях, «зрелому возрасту», нисколько не ослабляя интереса к жизни, со здоровым телом и духом.

Р. Ф. Сверигин продолжает активную деятельность в современной литературной среде несмотря на то, что ему сегодня необходимо мыслить и писать в совершенно иных условиях, чем в середине XX века, во времена господства метода социалистического реализма, а ведь он вступил на стезю литературоведения именно то-

гда, когда было невозможно отступить от этих догм и требований. Возникает естественный вопрос: в чем секрет такой его востребованности в современном литературоведении несмотря на то, что идеалы поколения начала двадцать первого века кардинально поменялись?

Ответ на этот вопрос может быть разным. У представителей точных наук, естественно, при этом существуют свои аргументы. А в литературоведении делает ученого долгожителем прежде всего его преданность основным закономерностям эстетики, ибо даже и во времена идеологического нажима во многих произведениях сохранялся конфликт между такими ее основными понятиями, как «прекрасное» и «безобразное». Перу Рифата Хасановича как раз присущи эти качества, именно этим оно привлекает внимание со-

временных поколений, которые относительно свободны от тотального воздействия определенных идеологий.

Мы с Р. Ф. Сверигиным вместе трудились на педагогической и литературоведческой ниве около полувека. Начиная с 1972 года он на моих глазах прошел этот тернистый и благородный путь вузовского преподавателя и литературоведа. Этот скромный, поистине интеллигентный, в то же время демократичный по духу человек как-то сразу нашел свою нишу в коллективе кафедры татарской литературы Казанского государственного педагогического университета прежде всего широкой эрудицией, глубоким знанием в своей области филологической науки. Его компетентность, простота в общении, готовность прийти на помощь коллегам снискали ему заслуженное уважение. Студенты также считали его своим, ибо такие качества преподавателя, как требовательность и доступность, всегда с благодарностью воспринимаются молодежью.

Необходимо заметить, что Рифат Хасанович Сверигин пришел в педагогический институт, пройдя необходимые ступени для успешной работы в нем. Правда, педагогическая деятельность, как он сам не раз говорил, не была мечтой с юношеских лет, и специальность «татарская филология» он выбрал, можно сказать, случайно. Хотел изучать историю, однако по воле судьбы попал на отделение татарского языка и литературы. Учился на одном потоке с одним из будущих руководителей Татарстана Фикратом Табеевым из деревни Азеево Рязанской области. В процессе изучения истории и тонкостей родного языка и искусства слова, овладевая знаниями об их сложном многострадальном пути развития, он проникся уважением к прошлому родного народа и осознанно стал поистине одним из его преданных представителей интеллигенции. Для Р. Х. Сверигина изучение и преподавание родного языка и литературы постепенно стало самым необходимым и благородным делом всей его жизни.

Все же после окончания университета был такой казус: ему сказали, что их обучали не для того, чтобы стать учителями, а готовили филологов для служения науке, а также работе в журналистике. Однако судьба направляла его в начале трудовой деятельности на стезю работы в школе, к сожалению, не по полученной специальности.

В Староibraевской школе Аксубаевского района ему предложили преподавать немецкий язык. Правда, этот чужой язык они в вузе изучали, но не в такой степени, чтобы вести его как предмет. Молодому учителю приходилось прилагать много усилий для того, чтобы не краснеть

перед учащимися и их родителями и проводить хорошие уроки.

Этот отдаленный район Республики Татарстан все же не стал для Р. Х. Сверигина местом, где можно было бы обосноваться навсегда. Для него главным событием здесь было то, что среди молодых учителей школы он нашел свою любовь и, долго не думая, женился (как он сам пишет, эта девушка по имени Римма даже сама инициировала этот брак) [1, с. 115–116]. Хотя трехгодичный срок отработки после учебы еще не истек, они с женой вернулись в родные края Рифата – Кукморский район (отец Хасангата родом из деревни Нижний Искубаш этого района). Отсюда совсем не далеко и до Богатых Сабов, где родился сам Рифат Хасанович. В отделе народного образования молодую семейную пару направили в удмуртскую Ош-Юмьинскую школу. Естественно, и здесь нагрузки по специальности не было, ему предложили учить удмуртских детей русскому языку и литературе. После двухгодичной работы здесь его перевели в Ядыгерскую восьмилетнюю школу уже в качестве директора.

Школа была расположена в двухэтажном здании бывшей мечети, поэтому в ней отсутствовали элементарные условия, необходимые для образовательного учреждения. Более-менее освоившись на новом месте, двадцативосьмилетний Р. Х. Сверигин перед руководством района поднимает вопрос о строительстве нового здания школы и неожиданно находит поддержку. Окрыленный этим обещанием, он сумеет привезти из Министерства образования РСФСР проектную документацию на строительство школьного здания на 224 учащихся, потому что деревня была большая, в ней даже был филиал районной больницы. Молодой директор в Москве доказывает, что новая школа обязательно должна быть средней. Однако вскоре пыл инициативы улетучился, наталкиваясь о камень бюрократических проволочек.

Рифата Сверигина мучает один вопрос: он – специалист по татарской филологии с университетским образованием – вот уже несколько лет не может использовать свои знания по существу, по специальности. И приходит к внезапному выводу: для него самое важное все же – его научная карьера. Это его решение совпадало со временем приема вступительных экзаменов в аспирантуру Института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова в Казани. Без долгой предварительной подготовки он выдерживает экзамены и становится аспирантом этого научно-исследовательского института, посвящает свое будущее научным исследованиям. Хотя для него, имевшего семью с двумя детьми, такой поворот в жизни

с материальной стороны был не очень простым шагом.

Его научным руководителем стал видный ученый-литературовед Гали Халитов, перу которого принадлежат фундаментальные труды о закономерностях и истории развития нашего искусства слова. Конечно, в годы господства вульгарного социологизма в литературе и искусстве из-под его пера также выходили труды в русле идеологических требований того времени. Об этом Р. Х. Сверигин вспоминает так:

«Гали Халит в литературоведении был известен как теоретик, который в своих работах держал курс на исследование социологического свойства сурового реализма и революционного романтизма. Отдельным коллегам, может быть, это показалось отчуждением от эстетических канонов. Конечно, такие взгляды наставника оказали влияние и на меня. Фатих Хусни – эстет в литературе, когда в беседах не находил понимания с моей стороны на некоторые его взгляды, махнув рукой, говорил: „Зачем же я говорю об этом, ты ведь воспитанник Гали Халита“» [Там же, с. 141–142].

Однако, начиная со второй половины пятидесятых годов, Г. Халит, хотя довольно осторожно, встал на магистральный путь оценки литературных явлений на основе эстетических закономерностей. Р. Х. Сверигин, пришедший в науку в годы оттепели, нуждался именно в таком направлении научного мышления. Тот небольшой опыт исследования при написании курсовых и дипломных работ, докладов на научных студенческих конференциях, полученный во время учебы в вузе (1950–1955), мог только сковывать оценочные основы его рассуждений. Быть может, это зависело и от объекта исследования. В студенческие годы из прозаиков он больше всего увлекался творчеством Ибрагима Гази. Именно оно стало стержнем и его дипломной работы. Как известно, и И. Гази на стадии овладения писательским мастерством зачастую ценность произведения видел в его идеологическом направлении.

При работе над кандидатской диссертацией Р. Х. Сверигин с научным руководителем выбрали тему, связанную с творчеством другого мастера художественной прозы – Фатиха Хусни. Само собой разумеется, монографическое исследование должно зиждиться на твердой научной основе, то есть на достижениях и современного литературоведения. Осознавая такую необходимость, Р. Х. Сверигин целенаправленно изучает труды видных литературоведов и писателей страны, с особым интересом – произведения Ф. Хусни, его выступления, литературу о нем. Молодой исследователь пришел к выводу, что, со-

средоточивая внимание на образном мире этого писателя, можно последовательно установить общие перипетии творческого процесса в татарской литературе, начиная с конца двадцатых по шестидесятые годы. Такие произведения писателя, как «Звезды над селом», «Перстень», «Тропа пешехода», «Тридцатый год», рассказы и драматические произведения, заслуженно вошли в сокровищницу татарской литературы этих десятилетий. Кроме того, в 1961 году вышла книга Ф. Хусни «Мысли вслух» («Уйланулар»), в которой достаточно полно раскрыты художественный мир и воображаемая картина мира создателя классических произведений. В ней, по сути, обобщен и богатый творческий опыт мастеров пера не только татарского, но и других народов. При этом Ф. Хусни особое внимание уделяет художественному своеобразию творчества Н. В. Гоголя. Надо полагать, и автобиографическая повесть Ф. Хусни «Мои окна», в свою очередь, помогла Р. Х. Сверигину найти ответы на многие интересующие его вопросы. Наконец, в 1968 году под названием «Фатих Хусни» увидело свет монографическое исследование Р. Х. Сверигина, которое литературная общественность встретила одобрительно, ибо это был первый основательный большой труд о творчестве полубившего миллионам читателей поистине народного писателя.

Следует заметить, что во второй половине шестидесятых годов была еще одна попытка вернуть художественную литературу в рамки социалистического реализма. Как заметил Р. Х. Сверигин, творчество Ф. Хусни порою выходит далеко из этого ограниченного и изжившего себя круга [Там же, с. 146]. Поэтому молодому исследователю предстояла задача примирения официальных требований с широким охватом жизненной правды писателя. То, что было неприемлемо для диссертационной работы, он высказывал в статьях, опубликованных на русском и татарском языках. Он пишет:

«Диссертацию я писал увлеченно и уверенно, чувствуя поддержку научного руководителя. Он поистине был моим наставником. Сегодня могу с благодарностью сказать, что Гали Халит ввел меня в литературоведческий мир, крепко держа за руки. Если я в какой-то степени стал известен на литературной ниве, то обязан именно Гали абый» [Там же, с. 137].

После успешной защиты кандидатской диссертации в 1971 году Р. Х. Сверигин продолжил работу в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в качестве научного сотрудника. В те годы в плане этого научного учреждения значилась большая задача – подготовить многотомник «Истории татарской

литературы». Правда, Г. Халит и его коллеги в этом направлении уже немного раньше успели сделать определенную работу. В 1960 году на татарском, а в 1965 в Москве (в издательстве «Наука») на русском языках были подготовлены и изданы однотомные объемные книги «Истории татарской советской литературы». Поскольку татарская литература, в отличие от искусства слова многих других народов нашей страны, имеет многовековую путь своего развития, ограничение ее истории только советским периодом никак не удовлетворяло научную общественность. Встал вопрос о необходимости воссоздать ее полнокровную историю, начиная с общетюркского и болгарского периодов. Р. Х. Сверигин, как и многие литературоведы, также был привлечен к этой большой научно-исследовательской работе.

У татар есть пословица: «Глаза боятся, а руки делают». Десятилетняя работа ученых института и коллег из других научно-педагогических коллективов (КГУ, Казанского и Елабужского педагогических институтов) дала свои результаты, в 1984–1989 годах эта большая работа в пяти томах уже была доступна читателям. В 2001 году прибавилась и шестая книга, в которой было обобщено литературное движение 1960–1990 годов. Когда в 1974 году Р. Х. Сверигин начал преподавать в Казанском государственном педагогическом институте, он также исправно продолжал работу по созданию этого коллективного труда. Им была подготовлена литературная хроника, которая требовала кропотливой, многогранной работы в архивах и библиотеках. Кроме того, им были написаны такие монографические разделы, как «Фатих Хусни», «Амирхан Еники» (совместно с Ф. Хатиповым), «Аяз Гилязов».

Казанский государственный педагогический институт – один из старейших вузов в Татарстане. Вслед за Казанским университетом и Ветеринарным институтом он находится на третьем месте по времени создания. Когда Р. Х. Сверигин ушел на заслуженный отдых, КГПИ исполнилось 137 лет. В течение 49 лет из них в создании истории КГПИ принимал непосредственное участие и Рифат Хасанович Сверигин. Его деятельность в этом прославленном институте (с 1994 года – в педагогическом университете) была довольно-таки заметной. Он читал один из основных курсов – татарскую литературу советских десятилетий. Это очень большой, богатый и по известным причинам противоречивый период развития нашего искусства слова. Для того, чтобы сформировать у студентов полное представление о положении литературы в этот период, недостаточно было быть только ученым-филологом. От преподавателя требовалось про-

никновение в сущность общественно-политической обстановки тех лет в стране, в частности в Татарстане. Кроме того, он был обязан следить за литературным движением своего времени, быть активным критиком с высоты вузовской науки, жить заботами современного искусства слова.

На историко-филологическом факультете специально готовили и учителей русского языка для татарских школ, для этого было специально создано русско-татарское отделение (РТО). Как раз оно готовило учителей вести обучение с учетом особенностей татарских школ (к сожалению, с 2007 года из учебных планов школ и вузов были исключены разделы, учитывающие национальные компоненты, что является, как нам кажется, нарушением основ организации обучения в федеральном государстве). Все годы работы в вузе Р. Х. Сверигин вел курс татарской литературы на русском языке. Основательная подготовка по обеим литературам, владение в совершенстве русским языком снискали ему уважение и большой авторитет не только у студентов, но и среди профессорско-преподавательского состава факультета.

В этой деятельности мы с ним были коллегами. Кроме РТО (отделение русско-татарской филологии), на нашем факультете существовало отделение ТРО (отделение татарско-русской филологии), которое готовило одновременно учителей татарского языка и литературы, русского языка и литературы, где мне было поручено вести для этих студентов довольно объемный курс, посвященный русско-татарским литературным связям (лекционных 70, практических 40 академических часов) и позволяющий воспитывать будущих учителей в духе дружбы, сотрудничества и дружественных отношений между народами. Некоторые из учителей, прошедших такую подготовку, и сегодня успешно работают в школах. Следует сказать, что, к сожалению, и они, в связи с достижением пенсионного возраста, уходят с педагогической работы, а в настоящее время замена им не готовится.

У Р. Х. Сверигина имеется еще одно, можно сказать, пожизненное хобби – это спорт. Коллеги всегда обращали внимание на его увлечение спортом, как он с удовольствием бежит на различные дистанции, принимает участие в лыжных гонках. Помнится, он несколько раз принимал участие в марафонском забеге по маршруту Казань – Кокушкино. И сегодня вспоминается одна фотография в периодической печати семидесятых годов, в которой запечатлены радостные лица Рифата Хасановича и его друзей после преодоления дистанции на пятьдесят километров.

Одновременно он увлекал этими занятиями и коллег по факультету в качестве заместителя декана по спорту на общественных началах. Это пример того, как любимое хобби увлекает человека до преклонных лет и оказывает благотворное влияние на качество его жизни, продлевая ее.

Естественно, у Р. Х. Сверигина основное увлечение, сопровождающее львиную долю жизни, – это занятие наукой. Как известно, защита диссертации все же является началом пути на этом поприще, завоевание первого официального статуса ученого. Настоящий ученый именно после этого раскрывает свои потенциальные возможности в науке, делает все новые и новые открытия, устанавливая закономерности тех или иных явлений в своей области интересов; видит смысл жизни в ежедневных поисках чего-то нового, неизвестного. Это как раз о Р. Х. Сверигине. В моем архиве сохранились ученые записки кафедры татарской литературы КГПИ, начиная с 1974 года (именно с этого времени я работаю в этом коллективе). В каждом выпуске можно увидеть его статьи, посвященные актуальным проблемам в литературоведении тех лет. «Некоторые литературно-стилевые особенности современной татарской прозы» – эта статья того же года [2]. В ней уделяется основное внимание средствам художественного изображения в то время сравнительно молодых авторов Р. Тухфатуллина, А. Гилязева, Н. Фаттаха. Автор строит свои суждения на основе исследования всей прозы того времени, поэтому его выводы убедительны, носят типологический характер, привлекают внимание литературной общественности. В сборнике 1976 года он принимает участие со статьей «Характер и психологическая достоверность». В центре внимания литературного произведения находится человек, который талантом художника слова может быть поднят до уровня характера [3].

Р. Х. Сверигин на примере романов и повестей здравствующих в то время классиков татарской литературы Гумера Баширова, Амирхана Еники и Фатиха Хусни и путем сопоставления произведений ряда молодых авторов делает вывод, что средства и пути художественного решения, проложенные этими аксакалами, развиваются успешно молодыми коллегами, заявившими себя в последнее время. В числе таких им названы именно те авторы, которые к началу нового тысячелетия пришли с наиболее высокими достижениями в творчестве. Речь идет о Миргазияне Юнусе, Ахсане Баянове, Вахите Имамове, Айдаре Халиме, Фаузии Байрамовой, Фоате Садриеве, Набуре Гиматдиновой, Нурисламе Хасанове, Ахате Гаффаров и других. Это говорит о том, что

у Рифата Хасановича есть тонкое чутье в определении художественного качества творчества авторов в самом начале писательского пути. Как известно, он тесно взаимодействовал с ученым и известным писателем Талгатом Галиуллиным в подготовке к изданию многотомных собраний его сочинений. Одна из его статей посвящена выявлению нюансов средств изображения Ф. Хусни и А. Еники, которая интересна тем, что путем выделения особенностей стиля одного из них исследователь определяет своеобразие пера другого автора. Таким образом, рассмотрение проблемы в сопоставительном плане помогает установлению индивидуального стиля и, естественно, общих черт. Действительно, указанные писатели, несмотря на то что являются современниками, не только по тематике и проблематике отраженных произведениях, но и по применяемым средствам художественного изображения принадлежат к разным творческим школам.

Статья Р. Х. Сверигина «Из опыта изучения рассказов Кави Наджми» написана в 2004 году. Для этого времени было характерно негативное отношение к нашему прошлому – десятилетиям, что мы называли пятилетками социалистического строительства. К. Наджми в этом обществе был не только писателем, но и организатором литературного дела в качестве редактора журналов, председателя Союза писателей РТ. Его роман «Весенние ветры» получил признание в масштабе страны. Он был переведен на ряд языков народов дружественных в то время стран. Оставаясь верным жизненной правде, следует сказать, что в нем достаточно полно и художественно отражается дореволюционная жизнь татар, борьба народов за свободу и справедливость как естественная реакция на беспощадные угнетения. В этом случае Р. Х. Сверигин речь ведет о рассказах К. Наджми. В основном они оцениваются им положительно. Среди них мы видим такие произведения, как «Самый последний» («Иң соңгысы»), «Жребий» («Шобага»), «Приказ» («Боярык»). В то же время автор подходит довольно критически к наследию К. Наджми. При этом ведет свои рассуждения в контексте сопоставления с отдельными произведениями таких русских писателей, как Б. Лавренев, И. Бабель, Б. Пильняк, А. Платонов, Ю. Олеся [4].

Как известно, в творческой биографии К. Наджми есть факт встречи его и с А. М. Горьким. Русский пролетарский писатель даже дает ему советы при создании рассказа «Жребий», ибо М. Горький, в отличие от К. Наджми, в юности прошел в Казани «университеты» жизни, поэтому детали казанской среды ему были известны лучше. Почему-то Р. Х. Сверигин в этом ви-

дел определенный негатив – «он нуждался в помощи и советах А. М. Горького». Здесь Р. Сверигин как-то нисходит на субъективный уровень, что для него совсем не характерно.

Все мы люди, поэтому находимся под влиянием окружающего мира, на нас оказывает давление общественная среда и определенные идеологические воззрения, политические события. Не отрицая воздействия на литературоведов перечисленных выше факторов, мы должны понимать, что для нас самое главное – подойти к художественным произведениям с ключом эстетических канонов. Нам кажется, что Р. Х. Сверигин в своем сборнике статей «В поисках нового героя» («Яңа герой һәм яңа алымнар») поступает именно таким образом [5]. Правда, здесь нашли свое место именно те статьи, о которых мы выше вели речь. Новым словом в нем является раздел под названием «Как и сама жизнь», посвященный крупному татарскому романисту Атилле Расиху. Действительно, этот автор, как положено ученым, и в своем художественном творчестве был строгим приверженцем реалий самой жизни. Р. Х. Сверигин в этом отношении дает высокую оценку его романам «Мой друг Мансур» («Дустым Мансур»), «Весенние голоса» («Язгы авазлар»), «Ямашев», «Когда расходятся пути» («Ике буйдак»). Основным стержнем его размышлений в этом случае является именно соответствие художественной правды писателя самой действительности. Им делается заключение:

«А. Расих в нашей прозе является одним из смелых путеводителей, у которого имеется свое направление и принципы. Неотделимыми качествами его героев являются верность и принципиальность, борьба за правду и умение постоять за правду и счастье людей. Нельзя не заметить, что есть тесная связь между поступками героев и его собственным духовным миром. Он в нашу литературу приносит саму нашу богатую и неисчерпаемую жизнь» [Там же, с. 62].

Все эти его слова, сказанные им в адрес А. Расиха, полностью можно отнести и к Рифату Хасановичу Сверигину. Желаем ему здоровья, сохранить и в дальнейшем интерес как к самой

жизни, так и к творчеству. Все это реально, ибо Рифат Хасанович умеет организовать свою жизнь по принципу «в спортивном теле, здоровый дух».

Список источников

1. Сверигин Р. Х. Һәр кошның үз куначасы: на татарском языке («У каждой птицы свой насест»). Казань. ТипоГрафф, 2021. 192 б.
2. Сверигин Р. Х. Некоторые литературно-стилевые особенности современной татарской прозы // Татар әдәбияты мәсьәләләре (Вопросы татарской литературы): сб. статей. Казань. КГПИ, 1974. С. 27–36.
3. Сверигин Р. Х. Характер и психологическая достоверность // Татар әдәбияты мәсьәләләре (Вопросы татарской литературы): сб. статей. Казань. КГПИ, 1976. С. 31–47.
4. Сверигин Р. Х. Из опыта изучения рассказов Кави Наджми // Татар әдәбияты мәсьәләләре (Вопросы татарской литературы): сб. статей. Казань. КГПИ, 2004. С. 76 – 84.
5. Сверигин Р. Х. Яңа герой һәм яңа алымнар («В поисках нового героя»). Казань. Татар. кн. изд., 1985. 120 б.

References

1. Sverigin, R. H. (2021). *Һәр кошның үз куначасы* [Each Bird Has Its Own Perch]. 92 p. Kazan, "TypoGraff". (In Tatar)
2. Sverigin, R. H. (1974). *Nekotorye literaturno-stilevye osobennosti sovremennoi tatarskoi prozy* [Some Literary and Stylistic Features of Modern Tatar Prose]. *Tatar әдәбияты мәсьәләләре: sb. statei*. Pp. 27 – 36. Kazan, KGPI. (In Tatar)
3. Sverigin, R. H. (1976). *Kharakter i psihologicheskaya dostovernost'* [Character and Psychological Credibility]. *Tatar әдәбияты мәсьәләләре: sb. statei*. Pp. 31 – 47. Kazan, KGPI. (In Tatar)
4. Sverigin, R. H. (2004). *Iz opyta izucheniya rasskazov Kavi Nadzhmi* [From the Experience of Studying Kavi Najmi's Stories]. *Tatar әдәбияты мәсьәләләре: sb. statei*. Pp. 76 – 84, Kazan, KGPI. (In Tatar)
5. Sverigin, R. H. (1985). *Яңа гөрој һәм уаңа алымнар* [Looking for a New Protagonist]. 120 p. Kazan, Tatar. kn. izd. (In Tatar)

The article was submitted on 17.08.2022

Поступила в редакцию 17.08.2022

Галимуллин Фоат Галимуллович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alfiya_gali@rambler.ru

Galimullin Foat Galimullinovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alfiya_gali@rambler.ru

Мингазова Ляйля Ихсановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Leila.kfu@inbox.ru

Сайфулина Флера Сагитовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Flera.Sajfulina@ksu.ru

Mingazova Lyailya Ihsanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Leila.kfu@inbox.ru

Sayfulina Flera Sagitovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Flera.Sajfulina@ksu.ru